

с монголо-татарами, которые имели место в середине второй половины XIII в., такой путь кажется вполне естественным. Однако и в это время слово *сайгат* не вошло в древнерусский язык на правах лексической нормы и не получило повсеместного распространения. Ни в одном другом письменном памятнике оно не встречается.

Наиболее близко по значению древнерусский термин *сайгат* стоит к одноименным словам казахского и киргизского языков, а также к значению в *Codex Cumanicus*. В первом летописном упоминании *сайгат* означал долю военной добычи, распределенной между непосредственными победителями, во всех остальных — подарки из военной добычи, поднесенные суверенам.

- 1 ПСРЛ. Т.2. Стб.569.
- 2 Там же.
- 3 Там же. Стб. 678.
- 4 Там же.
- 5 Там же. Стб. 678–679.
- 6 Там же. Стб. 677–678.
- 7 Там же. Стб. 798.
- 8 Там же.
- 9 Там же. Стб. 847.
- 10 Там же. Стб. 857.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 Там же. Стб. 636.
- 14 Там же. Стб. 679.
- 15 Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т.3. М., 1987. С. 545.
- 16 Консультация доктора филологии В.А. Бушакова.

Петр Толочко

О новгородской «гривне серебра»

Одной из существенных проблем в изучении денежно-весовых систем Древней Руси остается отождествление известных из письменных источников названий счетно-весовых единиц с археологически обнаруженными слитками серебра различной формы и веса. Как известно, «Правда руская» (в обеих редакциях) наиболее крупной единицей обращения считает *гривну*. Памятники XII – XIII вв. знают также и целый ряд видов гривны: *гривну серебра*, *гривну кун*, *гривну старых/ветхих кун*. Уточнения, с которыми гривна фигурирует в текстах XII – XIII вв. заставляет думать, что речь идет о стоимостях иных, чем *гривна* «Правды русской». Действительно, на основании сравнения штрафов (вир) «Правды русской» (выраженных в *гривнах*) и аналогичных штрафов, упомянутых в договорах 1189 - 1199 г. Новгорода с Готским берегом и немецкими городами и 1229 г. Смоленска с Ригой, Готландом и немецкими городами (выраженных в *гривнах серебра*), считается установленным, что новая единица XII – XIII вв.

гривна серебра равнялась четырем старым *гривнам* «Правды русской», также именуемых *гривнами старых* или *ветхих кун*, *старыми гривнами* или же просто *гривнами* в новгородском договоре¹. В сущности, такие сопоставления лишь подтверждают прямое показание некоторых списков Смоленского договора: а за гривну серебра по .д. гривны коунамн. или пенязн².

Если соотношение новой *гривны серебра* со *старой гривной* бесспорно, их соответствующие веса в серебре остаются предметом дискуссии, не в последнюю очередь потому, что вес *старой гривны* (ок. 51 г) остается наиболее вероятной, но все же только гипотетической величиной, выводимой из гипотетического же веса *гривны серебра*.

С другой стороны, археологически обнаружены слитки серебра, которые в литературе принято отождествлять с гривнами, и при том, именно с *гривнами серебра*. Таких слитков известно несколько видов: так называемые «киевские гривны» (ромбовидной формы, со средним весом ок. 164 г), «новгородские гривны» (в форме продолговатых палочек, со средним весом ок. 198 г), «псевдокиевские» (ок. 204 г) и «черниговские» (ок. 197 г)³. Из перечисленных, с новыми *гривнами серебра* новгородских документов были отождествлены слитки, известные как «новгородские гривны», весящие в среднем около 198 г. При этом, как полагал В.Л. Янин, «правильный» вес новгородской гривны серебра должен быть 204 г., т. е. половина западноевропейского фунта. Слитки же оказываются легче номинала из-за угара серебра в процессе переплавки⁴.

Как справедливо указано в новейшем исследовании, такое отождествление покоится на двух «правдоподобных допущениях»: во-первых, под гривной серебра нужно понимать именно слитки новгородского веса, во-вторых, величина такой гривны равна полуфунту-марке в 204 г.⁵ Необходимо, впрочем, добавить и третье допущение, менее «правдоподобное»: при отливке такой гривны почему-то не учитывался хорошо известный эффект угара (что – при потере в среднем 7 г – делало гривну заведомо на 3,5% дешевле). Получалось бы, что *гривна серебра* существовала только до момента выплавки слитка (в виде монет или, скажем, серебряного лома), сразу же *после* выплавки превращаясь в нечто иное. Но ведь такая метаморфоза не позволяла бы играть *гривне серебра* роль весовой единицы. Следовательно, хождение таких слитков в качестве платежного средства становится проблематичным. Да и сама выплавка слитков теряет всякий смысл⁶.

Это довольно странно, так как, например, скандинавские слитки серебра, отражающие марку в 204 г, имеют вес от 204 до 207 г⁷, то есть в среднем *превышают* стандарт. При их отливке, следовательно, эффект угара учитывался. Кроме того, как явствует из договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом 1269 г., серебро принималось не на счет, но *взвешивалось*, для чего существовали взаимно согласованные стардарты гирь⁸.

Вместе с тем, именно допущение об угаре, не учитывавшемся в весе *гривны серебра*, представляется наиболее существенным, так как именно от него зависит

приемлемость всей гипотезы об отождествлении ее со слитками «новгородского типа».

Отметивший изъяны гипотезы В.Л. Янина В.А. Назаренко, тем не менее считал возможным «спасти метрологически естественную» величину в 204 г как теоретическую норму слитков «новгородского веса». Для этого исследователь привлек постановление Смоленского договора о пошлине, взимаемой с «латинских» купцов за переплавку серебра в слитки: *Аже латннскнн. дасть серебро пожнгатн. датн кѣмѹ ш(т) гривны серебра. коуна смольнескаѧ*⁹. Установив, что смоленская куна была равна 4 новгородским кунам, а те предположительно весили ок. 1 г, исследователь заключил: «Вес $204 - 4 = 200$ г существенно приближает нас к расчетному среднему весу «новгородских» слитков – ок. 198 г»¹⁰.

Этим расчетом, положим, преодолена лишь половина или, в лучшем случае, две трети дистанции, все же от 4 (при весе в 196 г) до 2 г (при весе в 198 г) остаются неучтенными. А это либо четыре новгородские куны, либо две¹¹. Но дело, вероятно, в другом. В размышления исследователя вкралась какая-то логическая ошибка. Ведь пошлина платится за изготовление *целой* гривны серебра, подобно тому, как взимается с *целой* меры какого-либо иного товара. В некотором смысле пошлина и есть своего рода удостоверением полновесности и подлинности.¹² Следовательно, в Смоленске взимали одну куну *сверх* гривны серебра, а не отнимали этот вес от слитка¹³.

Ни гипотеза о неучтенном угаре, ни гипотеза о пошлине не выглядят достаточно убедительными, что заставляет нас относиться к весу слитков в 196–197 г. не как к случайной величине, но как к нормальному их весу, требующему своего объяснения.

Исследовавший готландский клад со значительным числом серебрянных слитков так называемого «черниговского типа» Н. Ф. Котляр пришел к выводу, что они ориентированы на тот же самый вес, что и гривны «новгородского типа». Средний вес таких, по заключению Н.Ф. Котляра, северорусских, слитков также равен 196 г¹⁴. Следом за Бауером, исследователь предположил, что именно такие *гривны серебра* упомянуты в договоре Новгорода с Готландом и, значит, «вероятной представляется мысль о готландском происхождении весового стандарта (марки) в 196 г, а значит – и весовой нормы, согласно которой отливались северорусские гривны»¹⁵.

Это проницательное предположение может быть подкреплено и показанием письменного источника.

Исследователи домонгольской монетной системы редко и с малообъяснимой неохотой привлекают к обсуждению нижненемецкий текст проекта договора между Новгородом, Готландом и Любеком 1269 г. Немногие глухие упоминания далеко не исчерпали возможностей этого источника для истории денежных систем. А между тем это единственный письменный документ, позволяющий соотнести новгородскую денежную систему XIII в. с какой-либо иной.

Нижненемецкий текст, надо думать, является переводом с новгородского экземпляра и потому сохраняет наименования новгородских денежных единиц:

кун (*kunen*), *гривны кун* (*mark kunen*), *гривны серебра* (*marc silveres*)¹⁶. При сохранении общего облика денежной системы, существенным представляется последовательный перевод гривны как марки. И если *гривна кун* переведена как *mark kunen* и подлежит толкованию, то *марка серебра* – это хорошо известная на севере единица – *marca argenti*, – не требовавшая никаких уточнений.

Более того, можно предполагать, что и договор Смоленска, и договор Новгорода изначально составлялись с учетом идентичности готландской марки и *гривны серебра*.

В Смоленском договоре есть одно малопонятное место, судя по всему, еще не привлечшее внимания исследователей денежного обращения Руси. Среди штрафов за физическое оскорбление читаем:

Кто вниеть друуга . дъревъзмь . а боудъте сннь . люво кровавъ :: полоуторъз гривны серебра платити кѣмю :: по оухом оударитѣ .г. четвьертн серебра :: послѣм . н по(п)ом . что оучинать . за двоѣ того оузати . два платежа::¹⁷

Что означает «3 четверти серебра»? Что именно понимает договор под «серебром» и, далее, почему считает его четвертями? Что под «серебром» здесь понимается *гривна серебра*, явствует из иного варианта этой статьи, сохраненного списками D, E, F: «аще оударити по лицу или за волосы иметь . или батогомъ шибеть . платити безъ четвьрти грвѣна серебра»¹⁸. Но почему *гривна серебра* считается именно «четвертями», а не, скажем, более естественными *гривнами кун*?

Разгадку находим в упоминавшемся проекте договора Новгорода с Готландом и Любеком 1269 г. Совершенно аналогичная Смоленскому договору норма здесь выражена так: «А ударит один человек другого в ухо или в шею, то должен ему заплатить 3 фердинга» (3 *verdhing*)¹⁹.

Как известно, скандинавская марка серебра подразделялась на четыре четверти, *virðung*, по три шиллинга или 36 пфенигов.

Приведенные свидетельства, как кажется, с несомненностью утверждают, что договоры Новгорода и Смоленска с Готландом под *гривной серебра* во всех случаях имеют ввиду готландскую марку серебра, подразделяя ее при том на четыре четверти, получившие на Руси название «гривны кун». Наличие двух вариантов гривны исследователи, как правило, объясняют постепенной эволюцией древнерусской гривны, полагая *гривну кун* – старой, а *гривну серебра* – более новой единицей. В этом, однако, позволительно усомниться. Весьма маловероятно, чтобы *независимая* эволюция древнерусской гривны привела к точному «попаданию» в принятую на Готланде марку серебра, да еще и со свойственными именно для нее фракциями в виде четвертей. Скорее нужно думать, что и гривна серебра, и ее четверти (*гривны кун*) возникли (или были заимствованы) единовременно²⁰.

Действительно, как полагают все исследователи, *гривна кун* (каков бы ни был ее вес) не является ни первоначальной, ни достаточно древней единицей²¹. В отрыве от *гривны серебра* она, по существу, и неизвестна, выступая во всех случаях только как ее фракция. Предполагать в ней *самостоятельную*

денежную единицу, *предшествовавшую* гривне серебра заставляет, как кажется, только ее (*гривны кун*) наименование в единственном (!) тексте – договоре Новгорода с Готландом 1189–1199 гг. – *гривной старых кун* или *гривной ветхих кун*. Оба названия, таким образом, суть не распространенные и обычные, но индивидуальны именно и только для этого договора (о чем, кстати, говорит и неустойчивость термина). Подобное наименование гривны отнюдь не указывает на ее древность, только на то, что такая гривна состоит из *старых* монет²². В самом деле, если *гривна серебра* в конце XII – начале XIII в. обращалась в виде серебряного слитка, для *гривны кун* подобные слитки неизвестны. Следовательно, *гривна кун*, как справедливо отметил А.В. Назаренко, могла реально существовать только в виде монет²³ (как то и указывает Смоленский договор – «пенязи»). Однако приток монет на Русь завершился на рубеже XI–XII вв.²⁴ Естественно, что к концу века такие монеты могли уже считаться *старыми* и на Руси, и тем более на Готланде и в Любеке, для которых, собственно, и готовился текст договора.

Нужно заключить, что не *гривна серебра* возникла из учетверения веса некой старой гривны, но наоборот – *гривна кун* (действительно, отличающаяся от старой гривны) возникла как подразделение (*virðung*) *гривны серебра*, т.е. марки серебра²⁵.

Отождествление *гривны серебра* с готландской маркой позволяет искать ей соответствие среди нескольких вариантов марки, имевших хождение в районе Балтики²⁶.

Судя по всему, марка в районе Балтики не была однообразна, существенно отличаясь в зависимости от региона и эпохи. На основании веса гирек считают, что в интересующее нас время существовало несколько весовых типов марки: 211, 205–204, 195–188 г соответственно²⁷. К весовому стандарту древнерусских серебряных слитков «новгородского» и «черниговского» типов наиболее близка третья, «легкая» марка, вероятно, и послужившая образцом для новгородской «гривны серебра».

Выражаю благодарность Н.Ф. Котляру (Институт истории Украины НАНУ), Федору Андрощуку (Стокгольмский университет, Швеция) и Ильдару Гарипзанову (Бергенский университет, Норвегия) за консультации при написании этой заметки.

- 1 См. недавно: Назаренко В.А. Происхождение древнерусского денежно-весового счета. *Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике*. М., 1996. С. 7–9, где и предшествующая литература. См. также: Omeljan Pritsak, *The Origin of the Old Rus' Weights and Monetary Systems. Two Studies in Western Eurasian Metrology and Numismatics in the Seventh to Eleventh Centuries* (Cambridge, Mass., 1998), 37–56, использовать построения которого следует *cum grano salis*.
- 2 *Смоленские грамоты XIII – XIV вв.* М., 1963. С. 36: 22–23; 40: 20–21; 46: 49–50.
- 3 См. недавно: Котляр Н.Ф. Северорусские («черниговские») монетные гривны. *Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике*. М., 1996. С. 80 – 142, в особенности табл. на с. 87.
- 4 Янин В.Л. *Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период*. М., 1956. С. 46.

- 5 Назаренко А.В. Происхождение древнерусского денежно-вещного счета. С. 11.
- 6 Если не считать, конечно, что единственным предназначением таких слитков было служить сырьем для ювелирного производства.
- 7 Omeljan Pritsak, *The Origin of the Old Rus' Weights and Monetary Systems*, p. 11.
- 8 *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. М., Л., 1949. С. 61.
- 9 *Смоленские грамоты XIII – XIV вв.* С. 24: 77–79.
- 10 Назаренко В.А. Происхождение древнерусского денежно-вещного счета. С. 10–11.
- 11 К тому же, определяя вес и новгородской, и смоленской кун, А.В. Назаренко исходит из традиционного заблуждения отечественной науки о том, что в XII в. гривна насчитывала 50 кун, а не 25, как прежде. Это распространенное, но, увы, ничем, кроме ошибочного показания Краткой Правды (памятника XV в.), не подкрепленное мнение существенно (в два раза!) уменьшает вес куны во всех расчетах. Как ни странно, куна в 1/25 долю гривны делала бы расчеты исследователя безупречными: $204 - 8 = 196$.
- 12 Как в том же Смоленском договоре указаны пошлины за *полную* меру воска, например – за капь две куны, и при том *после* взвешивания, а значит, *после* удостоверения в полновесности.
- 13 Так и обнаруживаем при более пристальном чтении текста договора. Пошлина за отливку слитка входит здесь в целый перечень пошлин за взвешивание (а, значит, и сертификацию) различных приобретенных ценностей: мер воска (куна смоленская), гривны золота (ногата смоленская), серебряных сосудов (от каждой гривны серебра по ногате смоленской), готовой гривны серебра (две векши) и, наконец, изготовление гривны серебра (куна смоленская). При том плата во всех случаях причитается именно «всцу» (*Смоленские грамоты*. С. 24: 75–79).
- 14 Котляр Н.Ф. Северорусские («черниговские») монетные гривны. С. 102.
- 15 Там же.
- 16 *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. С. 59–61.
- 17 *Смоленские грамоты XIII – XIV вв.* С. 21:19–21. Список А. Аналогичные установления содержатся и в списках В и С (Там же. С. 26: 34–38; 31: 14–15).
- 18 Там же. С. 36: 29–31; 40: 28–29; 46: 64–68.
- 19 *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. С. 61.
- 20 *Гривна серебра и гривна кун* сосуществуют на страницах одних и тех же документов. Это заставляло исследователей полагать, что в текстах отражены две одновременные денежные системы. Однако внятных резонансов, по которым авторы договоров решили оперировать одновременно и в старой, и в новой системе, в литературе не найти. Неясны также и причины, изначально побудившие к переходу от «старой» гривны к «новой»: коль скоро они так идеально сопрягаются в соотношении 4:1, все операции, производимые с «новой» гривной (в том числе и пересчет на марки), могли быть произведены и со «старой».
- 21 Янин В.Л. *Денежно-вещные системы русского средневековья*. С. 55.
- 22 Непостижимым образом и вопреки прямому смыслу выражения, исследователи понимают «старые» как относящиеся именно к *гривнам*, а не к *кунам*. Отсюда и ошибочное убеждение, что эти гривны предшествовали предположительно «новым» *гривнам серебра*. Аналогичным образом, вероятно, нет оснований видеть особую денежную единицу в единственном упоминании «гривен новых кун» в грамоте Святослава Ольговича новгородскому Софийскому собору 1137 г. (см.: *Российское законодательство X – XX вв.* Т. 1. *Законодательство Древней Руси*. М., 1984. С. 224–225). Речь может идти о гривнах в *новой* монете.
- 23 Назаренко А.В. Происхождение древнерусского денежно-вещного счета. С. 9.

- 24 Янин В.Л. *Денежно-весовые системы русского средневековья*. С. 155.
- 25 В самом деле, допуская, что *гривна кун* существовала самостоятельно и до появления *гривны серебра*, трудно вообразить необходимость появления этой последней, так как *гривна кун* вполне удовлетворительно сопрягалась бы с маркой. Напротив, введение марки (*гривны серебра*) предполагало бы и введение ее фракции в одну четвертую, т. е. *гривны кун*.
- 26 О марке см.: *Maal og vaegt. Nordisk kultur XXX*, ed. Sven Aajer (Stockholm-Oslo-Köbenhavn, 1936).
- 27 Jansson S.O. "Mark," *Kulturhistoriskt lexicon för nordisk medeltid från vikingatid till reformationstid* (Malmö, 1966), Bd. XI, 420–423.

Алексей Толочко